

ОБРАЗ НАРОДОВ РОССИИ В ГЛАЗАХ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ,
XVII – НАЧАЛЕ XX В. (НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ).

В.В. Тренилов, доктор исторических наук

С разрастанием территории Российского государства и включением в его состав все новых народов появилась необходимость найти им место в языке и культуре доминирующего русского этноса. Следовало включить новых соотечественников – не только каждое племя в отдельности, но и всю массу неславян – в русский культурный код, чтобы русский человек воспринимал ее как часть своего культурного мира, и она нашла бы свое место в его картине мира¹. Наиболее общими и частыми обозначениями нерусского и при этом православного населения в России служили понятия «иноземцы», «иноверцы», «инородцы». Появившись в обыденной речи, они проникли в официальные документы. В начале XIX в. наиболее распространенным был термин «инородцы». С введением «Устава о сибирских инородцах» 1822 г. он стал употребительным, вытеснив прочие наименования. А к началу XX в. понятие «инородцы» уже было близко к тому, чтобы охватить все народы империи, кроме восточных славян.

Правительственные инстанции желали иметь представление о расселении, численности, хозяйст-

венном потенциале «иноверных» подданных. Причина такого интереса крылась вовсе не в любознательности правящей элиты, а в фискальных, колонизационных и прочих экономических резонах. С образованием Академии наук сбор информации о жителях государства стал обретать систематические формы. Провинциальным управленцам рассылались из столицы перечни вопросов о подведомственных регионах, на которые следовало составлять подробные ответы. В результате одного из первых таких опросов его автор В.Н. Татищев насчитал в России 42 народа²; впоследствии это число постоянно увеличивалось.

Кроме того, с развитием естествоиспытательских изысканий разворачивалось и этнографическое изучение населения России. Читая публика жадно впитывала отчеты академических экспедиций о неведомых соотечественниках, их пище, жилищах, одежде, занятиях, орудиях, средствах передвижения, семейном укладе, военном деле и т.д. – всему, что обозначалось тогда немецким словосочетанием *SittenundGebräuchten* (нравы и обыкновения)³. Тем не менее, накопление знаний шло медленно,

сопровождалось возникновением и отмиранием версий этнической истории⁴. За недостатком сведений уподобляли «нравы и обыкновения» одних народов другим⁵. Основная же масса обывателей имела мизерное представление об этнической мозаике страны. Еще в середине XIX в. корреспондент газеты, замыслив рассказать читателям о существовании среди остяков (хантов) персон аристократического ранга, правомерно начал повествование с риторического вопроса: «Многие ли знают, что на глубоком Севере между далекими остяками есть настоящие князья, жалованные в это достоинство царскими грамотами и имеющие полное право на титул сиятельства?»⁶. Впрочем, порой кажется, что в наше время эрудиция населения возросла ненамного.

Потребности «знания-власти», формирование имперской географии⁷ диктовали бурное развитие географических, этнографических, исторических и прочих исследований российских регионов, особенно приграничных. В XIX в. к таким исследованиям активно подключилось военное ведомство. С расширением познаний о провинциях государства, по мере колонизации его окраин менялось и видение России как геополитического актора.

Одним из проявлений любопытства к российской этнической экзотике было содержание в аристократических домах прислуги из азиатских народов. Чаще других мне попадались упоминания о девочках-калмычках в качестве

таких полуслуг-полушутов; иногда упоминаются татарки и др.⁸ Своеобразная мода на них проникла и в царские чертоги. В знаменитой забаве Анны Иоанновны – свадьбе в Ледяном доме 6 февраля 1740 г. – была задействована пара придворных шутов, Михаил Голицын «Квасник» и крещеная калмычка Евдокия Буженинова. В августе 1772 г. Екатерина II с сыном Павлом «изволили шествовать для смотрения представленной на театре малыми певчими оперы «Калмык», которая продолжалась не более получаса»⁹. Вероятно, всплеск интереса «Северной Семирамиды» к этому народу был вызван разразившимся незадолго до того «торгоутским побегом» – массовым исходом калмыков из российского Поволжья в их восточную прародину Джунгарию.

В последних десятилетиях XIX и в начале XX в. время от времени устраивались выставки разной тематики, на которых были представлены и народы России с их традиционным хозяйством, бытом, культурой. В 1867 г. новообразованное Общество любителей естествознания при Московском университете провело одно из первых своих мероприятий – этнографическую выставку. Открывал экспозицию «Отдел А. Инородческие племена». Выставку посетил Александр II, и, как сообщалось в «Известиях» Общества, живо интересовался жилищами и манекенами в костюмах, выставленными предметами быта, охоты и проч.¹⁰ Интерес публики к населению отдаленных окраин

нарастал. Когда в 1879 г. в Москве устроили астрономическую выставку, в ней, как ни странно, организовали раздел, посвященный вогулам и самоедам, ведь «об этих полудиких соотечественниках наших мы почти ничего не знаем, так как самоеды почти никогда не выезжают из своей непривлекательной родины». Для представления сибирских аборигенов из Тобольской губернии доставили вогульскую супружескую пару с маленькой племянницей. На одной из площадок Зоологического сада поставили чум, в котором на протяжении всей выставки жили самоеды в национальных одеждах¹¹.

Этническая панорама империи во всем многообразии предстала перед посетителями большой научно-промышленной выставки в Казани в 1890 г. В ее научном и учебном отделах можно было видеть свезенные из дальних провинций предметы утвари, орудия промыслов, одежду, игрушки, макеты жилищ и молельных зданий, фотографии «типов», религиозные (христианские) издания на языках народов Поволжья, Сибири, Степного края (Казахстана)¹². Без «живых экспонатов» и здесь не обошлось. Из Внутренней Орды прибыли казахи во главе с высококородным султаном. Они поставили в Казани юрту, украсили ее коврами, облачились в национальные праздничные наряды и в таком виде стали исполнять роль «почетных экспонентов», нимало не стесняясь такого положения. Зрелище имело музыкальный аккомпане-

мент: «Один из товарищей султана недурно играет на местном инструменте в виде двухструнной балалайки, *думбра*»¹³.

Через шесть лет художественно-промышленную выставку организовали в Нижнем Новгороде с павильонами, отведенными регионам. Сибиряки показали орудия охоты и рыболовства бурят, якутов, аборигенов Западной Сибири¹⁴. Посетившая выставку императорская чета осмотрела один из самых ярких павильонов – среднеазиатский. Он был весь убран восточными коврами, заполнен вещами и макетами, чучелами обитающих в Туркестане животных. Бухарский эмир выделил для показа драгоценности из своей казны. Манекены сидели в воссозданных интерьерах городского дома, кочевой кибитки, кочевой аульной школы, которая «служит лучшим проводником русского влияния среди киргизов». По обеим сторонам следования Николая II с Александрой Федоровной выстроились вновь живые «экспоненты среднеазиатского отдела» – бухарцы и хивинцы в парчовых и бархатных халатах. Продолжалась экспозиция сценой восточного базара с ювелирами, чеканщиками, древорезчиками за работой и завершалась кульминацией: портретом государя с каллиграфической персидской надписью¹⁵.

Само августейшее семейство не оставалось в стороне от выставочной активности. В 1902 г. под покровительством императрицы в петербургском Таврическом дворце открылась международная выстав-

ка одежды. На нее было приказано доставить экзотические наряды, в том числе калмыцкие. Чиновники в Астрахани расстарались и привезли в столицу богатый набор одеяний. В основном это были вещи из гардеробов нойонов (князей) и высших лам. Кроме того, перед публикой выставили музыкальные инструменты, ювелирные украшения, изделия из кожи, меха, дерева, ковры и др. Калмыки сами были заинтересованы в такой презентации своей культуры, поскольку рассчитывали получить почетные дипломы. В этих ожиданиях они не обманулись: наградой стали не только 15 дипломов, но и медали жертвователям одежды и утвари. Многие из калмыцких экспонатов были переданы в Русский музей, по просьбе его управляющего (ныне они хранятся в Государственном музее этнографии – Кунсткамере)¹⁶.

Какие-то сведения об интересе самодержцев к этнографическим редкостям доходили до глухих окраин и могли преломляться в причудливые фольклорные сюжеты. В хантыйском предании рассказывается, что, прослышав об остяцких волшебных идолах, которых мог сдвинуть с места только их хозяин, царь приказал доставить эту диковину к себе¹⁷.

Подобный интерес время от времени просыпался у Петра I. Он узнал о существовании могущественных сибирских шаманов, и в 1702 г. березовскому воеводе было приказано найти трех-четыре самоедов, «которые совершенно

шаманство умели», дать им провожатых до Москвы и «велеть что к тому их шаманству надобно, взять с собою, и их не страшать», а обнадеежить государевой милостью. К воеводе привели двух шаманов, которых смогли найти в окрестностях. На вопрос «какое шаманство за ними есть?» те «били в бубен и крычали, а иного де шаманства за ними никакова кроме того нет» – и не убедили начальство в своих чудодейственных способностях. Через два года тобольские воеводы вновь потребовали у того же своего березовского подчиненного разыскать в подведомственных краях шаманов – очевидно, по повторному царскому повелению. На сей раз требовалось представить в Тобольск «таких знающих, которые вешки о всяких делах с болванами своими говорят и их выправшивают... и они в шаманстве в огонь мечютца и иные мечты чинят».

В 1724 г. Петра заинтересовали якутские шаманы «шитые рты» (у них сквозь кожу лица продевалась нить), которые исцеляют от болезней, и он повелел привезти их в Петербург «с их шаманским добрым платьем и с бубнами, поихобыкности, как надлежит в их состоянии шаманском». Якутский воевода, проникшись серьезностью поручения, старательно составил «Реэстр шаманом» с 27 именами¹⁸. Мне неизвестно, успели ли таежные колдуны добраться до императора, т.к. менее чем через год после этого указа он скончался.

На самом деле члены царской фамилии нечасто сталкивались с

народами империи и их культурой. Лишь при приеме делегаций от них и в поездках по стране они имели возможность, пусть и очень поверхностно, познакомиться с жизнью этой многомиллионной массы своих подданных. Первой при встрече с «иноверцами», было удивление необычностью их жизни, непохожестью их культуры на привычные культурные устои. Как писала Екатерина II во время своего крымского путешествия 1787 г., татары в мечетях «кричат, молятся и вертятся на одной ножке 5 раз каждые 24 часа. Мы все это слышим из своих окон... О! Какое странное явление – наше пребывание здесь!»¹⁹.

Со временем впечатления накапливались и оформлялись в негативные и позитивные стереотипы, положительные и отрицательные характеристики целых народов. Отношение к представителям того или иного этноса зависело от социального положения, масштаба эрудиции, эмоционального состояния, образованности и внутренней культуры оценивающего. Глава Оренбургской экспедиции в 1730-х гг. И.К. Кириллов под воздействием восстаний башкир жестко отзывался о них как о «самом плюгавом и неоружейном народе»²⁰. А голландец Н. Витсен в конце XVII в. из своих бесед с русскими вынес убеждение, будто они не уважают зырян, считая тех глупыми и грубыми²¹.

Однако близкое знакомство с местным населением раскрывало более сложную картину. В нем

замечали (и постепенно включали в стереотипы) как привлекательные, так и отталкивающие, с точки зрения наблюдателей, черты. И тогда таежные жители якуты удостаивались от местного губернатора лестных эпитетов как «племя даровитое, предприимчивое и коммерческое»²². А татары виделись академику XVIII в. И.И.Лерехину «проницательнее и больше опрятными» по сравнению с окрестными народами; впрочем, в этом отношении «близко к ним подходят мордва»²³. Калмыки – природные кочевники и непривычны к земледелию, но, как отмечает тот же Лепехин, «сколько они унижены пред другими в хлебопашестве, столько превосходят в скотоводстве»²⁴. В другом месте своих «Записок» он подробно расписывает «пользу, от них происходящую»: превосходный скот, поставляемый на российский рынок для пропитания и сельских работ, тулупы и мерлушки, которые во множестве расходятся по России, защиту калмыками границ от набегов казахов и кубанцев²⁵.

На протяжении нескольких столетий менялись представления о народах и заселяемых ими местностях, прилагаемые к ним образы и стереотипы. Происходило это под воздействием увеличивающейся информации о них, или, как афористично формулировал К. Боулдинг, image региона зависит от message о нем (или от него)²⁶. Важнейшим источником формирования образа народа и региона в сознании современников выступают многоо-

бразные миграции, в том числе путешествия. В сознании тех, кто их предпринимает, образуется сложный синтез изначальных представлений (стереотипов) о посещаемой местности и личного опыта и впечатлений²⁷. Донося результаты своих наблюдений до читателей и слушателей, путешественники способствуют конструированию в общественном сознании и культуре устойчивого нового образа, который составляется из эндогенных и экзогенных элементов и в котором старые стереотипы порой сменяются новыми.

Расселение русских на колоссальном пространстве империи объективно сближало народы и тоже меняло стереотипы. Поселяясь в «инородческом» окружении, русский человек вовсе не становился «большим белым господином» (bigwhitesahib), несущим «диким туземцам» свет цивилизации. В 1880-х гг. это заметил французский путешественник по стране, недавно присоединенной к России: «... Для туземцев Средней Азии русский не такой иностранец, каким является англичанин по отношению к индусу. Русский солдат живет вместе с сартом, между тем как ничто не может изменить мнение британского солдата о своем превосходстве над всеми народностями, населяющими Индостан... В этом именно следует видеть истинное могущество России; когда одно или два поколения сартов подрастут рядом, тогда можно будет сказать, что Россия владеет Средней Азией. Между тем как Англия не

может смотреть на Индию иначе, как на большой капитал, до какого бы совершенства ни было б доведено управление краем»²⁸.

На отношение к иноверным подданным влияли и идеологические ориентиры. От долгого и жесткого неприятия «магометанства» верховная власть в середине XVIII в. решила проявлять снисходительно-толерантное отношение к исламской конфессии в империи²⁹. Этническая политика в этой сфере, наряду с поиском рациональных приемов управления гигантским государством, испытала воздействие передовых идей Просвещения. Наиболее наглядно эти факторы проявились при Екатерине II. 1767 г. она писала Вольтеру из Казани: «Вот я и в Азии; мне хотелось посмотреть ее ными глазами. В этом городе двадцать разных народов, вовсе не похожих друг на друга. И однако им надобно сшить платье, которое на всех на них одинаково хорошо бы сидело»³⁰. В другом письме она делилась замыслом наладить обучение «наших кадет» татарскому языку – для облегчения их будущей службы в Поволжском крае³¹.

В том же году императрица создала Уложенную комиссию для выработки нового законодательства, в которую повелела включить и представителей оседлых «иноверцев». Эта мера вызвала критику за их нарочито бутафорское представительство. Комиссию уничтожительно сравнивали с этнографической выставкой³². Но все же участники данного мероприятия

из окраинных владений должны были не столько продемонстрировать пестроту депутатского собрания и многообразии подвластных народов, сколько реально способствовать «пошиву одинакового платья» – выработке жизнеспособных и адекватных юридических установлений, опираясь на знание реалий и повседневных условий, в которых живут их соплеменники.

Однако участие нерусских представителей в высших государственных органах по большей части все-таки было эпизодическим и зачастую действительно носило декоративный характер. «Инородческое» население всегда выступало не в качестве субъекта правительственной политики, а в качестве ее бессловесного объекта и жертвы. Тем более что в социальном отношении оно не получило окончательного сословного оформления (хотя некоторые авторы считают, что вся масса «инородцев» после принятия «Уставов» М.М. Сперанского оформилась в реальное сословие³³).

Не раз бывало, что важнейшие политические и законодательные решения принимались столичными управленцами (далеко не всегда русскими по происхождению) зачастую без учета региональной и этнической специфики различных провинций. «Инородческая» элита имела основание считать бездумное радикальное реформирование вредным. В мерах по унификации имперского законодательства она видела за официальными лозунгами рационализации

управления стремление столичных чиновников облегчить себе работу по регулированию жизни миллионов подданных. Выдающийся представитель казахской аристократии XIX в. Чокан Валиханов так отзывался об административных преобразованиях Сперанского 1820-х гг. в отношении своих соплеменников: «Народ неграмотный, кочевой, с своеобразными понятиями и обычаями, был подчинен ни с того ни с сего бюрократической централизации со всеми ее мудреными инстанциями, атрибутами и названиями канцелярскими, не понятными до сих пор не только киргизам (казахам. – *В.Т.*), но и русским»³⁴.

Надо признать, что казахская социальная верхушка сама в некоторой степени культивировала представление «в верхах» о своем народе как о типичных кочевниках, живущих средневековыми патриархальными устоями. Несмотря на появление во второй половине XIX в. все увеличивающейся прослойки интеллектуалов-казахов с европейским мышлением и образованием, при выставлении на обозрение своих этнических особенностей – во встречах ли с императорами и цесаревичами во время их путешествий, на всероссийских ли выставках (см. выше) – на обозрение выставлялась исключительно традиционная культура. Нижайшие подношения ко двору баранов и кумыса³⁵ иллюстрировали и укрепляли в правящей элите убеждение в «восточной закоснелой отсталости» народа.

Общее отношение к неславянским соотечественникам как к «чужим» и «другим» побуждало правящую бюрократию изобретать специфические методы управления ими и удержания в повиновении. Это и идущая из средневековья практика взятия заложников-аманатов, и постоянное пребывание среди «иноверцев» специальных представителей из офицеров или местных русских дворян, и демонстративное строительство в близком соседстве сильной крепости или постоянная дислокация воинских подразделений.

Не менее значительную роль в скреплении полиэтничного общества народов России играло личное отношение монархов и высших правящих кругов к иноверным подданным, равно как и расхоронившиеся по стране сведения о таком отношении (не всегда правдивые). Объективной основой патерналистской парадигмы отношений на территориях к востоку от Волги была передача в собственность царя присоединенных земель. «Великий государь, – писал исследователь этого вопроса Н.Н. Фирсов, – почитал себя полным собственником земель казанских, астраханских, ногайских, пермских и всех сибирских в той же мере, в какой был властелином в областях собственно московского княжения»³⁶. На этих землях коренное население нередко существовало в гораздо более льготных условиях, чем русские крестьяне и городские тяглецы.

Дополнительным основанием для послаблений была защита «иноверцами» государственных границ от нападений воинственных соседей. В этом отношении в конце XVII – первой половине XVIII в. особенно ценились калмыки – «буфер» перед кубанцами и крымцами. Донским казакам в 1670-х гг. неоднократно направлялись из Москвы запреты нападать на стойбища калмыков в отместку за угон теми скота, поскольку калмыцкие предводители шертовали (присягали) государю и с тех пор являются-де его «вечными холопами»³⁷. Соответственно власти закрывали глаза на «шалости» калмыцких удальцов по отношению к донцам и астраханцам. В 1742 г. Коллегия иностранных дел указала астраханскому губернатору: «... При случающихся откалмык малых грабительствах губернатору в разбирательство самому непосредственно и со всею строгостию не входить, а представлять управе наместника ханства, смотря на то некоторым образом сквозь пальцы...»³⁸.

Ценность для правительства южных степняков в XVII и начале XVIII в. как мобильной военной силы диктовала максимально благожелательное отношение к ним. «Извольте, мой государь, – писал в 1712 г. канцлер Г.И. Головкин казанскому губернатору П.М. Апраксину о калмыках, – с ними обходиться ласково, ибо нынешнее время есть в них нам надежда...»³⁹ – надежда на участие калмыцкой конницы в баталиях

Северной войны. Характерно, что указывается на нужду в калмыках именно «в нынешнее время», что, казалось бы, говорит о преходящем, конъюнктурном характере канцлерского указания. Однако на самом деле политика по отношению к этому народу в «царской России» не обретала откровенно насильственных форм. Во второй половине XIX в. калмыки признавались в общественном мнении «за один из самых благонадежных народов, населяющих Россию»⁴⁰. Правящие круги империи были убеждены в благотворном воздействии российского подданства на устройство калмыцкого народа. Ведь, по словам Екатерины II, пребывание его под властью русского монарха «составляет его безопасность и предохраняет от разсеяния, какое протчияподобныя и одинакого с ним поколения народы... уже претерпели»⁴¹.

Очень часто в источниках XVII–XVIII вв. встречаются распоряжения центральных органов на места оградить иноэтничное население от несправедливых поборов, посягательств на исконные угодья, произвола и обмана со стороны русских начальников. Высочайшая благосклонность (Николай II: «Я всегда отношусь к бурятам с особым милосердием»⁴²), по негласным канонам самодержавного государства, пусть и с лицемерными искажениями, распространялась вниз по управленческой лестнице. Европейский наблюдатель в конце XVII в. отмечал, что в Сибири «туземцев судят справедливо при

разбирательстве с русскими. Суд защищает русских не больше, чем туземцев, ибо Его Величество желает их удержать справедливостью и доброжелательностью»⁴³. В целом подобную линию поведения администрации можно считать традиционной для российской этнической политики. Не случайно многие российские востоковеды XIX – начала XX в. утверждали, будто Россия превосходит своих геополитических конкурентов в деле имперского строительства, так как русские не страдают расизмом и способны относиться к этническим меньшинствам как к равным⁴⁴. Впрочем, такое же самомнение было присуще европейцам-строителям колониальных империй, уверенным в своей большей гуманности, лучшей способности понимать аборигенов, в превосходстве собственных имперских проектов.

Благотворная цивилизаторская миссия России ее правящей и интеллектуальной элите виделась не только в отношении архаичных монархий Бухары, Хивы и Коканда – «мертвых и темных царств», населенных «народами полудикими, бродячими, без твердой общественной организации», где царят-де «неурядица и варварство»⁴⁵. В случае принципиальных разногласий скрываемое, подспудное пренебрежение прорывалось и в общении с несомненно европейски «цивилизованными» остзейскими подданными – прибалтийскими немцами. Когда их депутаты в Уложенной комиссии стали ходатайст-

воват о неприкосновенности при- вилегий Лифляндии и Эстляндии и сочинили записку на имя Екате- рины II, та пришла в негодование. Императрица пожелала, чтобы кто-нибудь в Комиссии дал отпор «лифляндским замашкам» (ее вы- ражение), поскольку предлагаемые прибалтийскими депутатами зако- нодательные нормы неприемлемы. Ведь «наши правила само челове- колюбие писало, а... иные их уза-

конения наполнены невежествами и варварствами»⁴⁶.

Таким образом, гуманные идей- ные установки вовсе не предохра- няли строителей Российской импе- рии от признания своего культур- ного превосходства перед «дики- ми» народами окраин (возможно, осознание такого превосходства было заимствовано из примера ев- ропейских колонизаторов – «прос- вещенных мореплавателей»⁴⁷).

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

- 1 Лотман Ю.С. Семиосфера. СПб., 2010. С. 611.
- 2 Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 34.
- 3 Слезкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. М., 2005. С. 128.
- 4 Например, просвещенные россияне XVIII в. причисляли татар к предкам русского народа: «Знатное в творении российского народа имеют участие татарские единопле- менники, которые и поднесь в полуденных России странах и в Сибири живут рассеян- ные» (цит. по: Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи. С. 74).
- 5 Акты Кавказской археографической комиссии. Т. IV. Ч. 1. Тифлис, 1870. С. 829 (послание главнокомандующего на Кавказе А.П. Тормасова военному министру М.Б. Барклаю де Толли 1812 г.: «Судя о кабардинцах как о сильнейшем народе... должно разуместь то же самое о всех прочих горских народах, ибо они совершенно одинаковых свойств и обычаев...»). Здесь и далее в цитатах выделено мною.
- 6 Об остяцких князьях // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 24. 5 октября. С. 217.
- 7 Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 23, 24.
- 8 См., например: Российский государственный архив древних актов, ф. 396, оп. 1, ч. 12, д. 17939, л. 1; д. 18856, л. 1.
- 9 Камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный журнал 1772 года. Б. м., б. г. С. 360.
- 10 Этнографическая выставка 1867 года имп. Общества любителей естествознания, ар- хеологии и этнографии, состоящего при имп. Московском университете. М., 1878.
- 11 В.П. Самоеды в Москве // Харьков. 1879. 3 августа. С. 1, 2.
- 12 Казанская научно-промышленная выставка 1890 г. Каталог. Историко-этнографиче- ское отделение (научного отдела). Казань, 1890; Казанская научно-промышленная вы- ставка 1890 г. Каталог. Учебный отдел. Казань, 1890.
- 13 Гости внутренней Киргизской Орды на выставке // Волжский вестник. 1890. 10 (22) августа. № 195. С. 2.
- 14 Сибирь на Всероссийской выставке 1896 г. Томск, 1897. С. 17, 18, 33, 41.
- 15 Пребывание их императорских величеств в Нижнем Новгороде // Московский ли- сток. 1896. 20 июля. № 201. С. 2.
- 16 Дарбакова В.П. Калмыцкие экспонаты на международной выставке одежды в 1902 году в Санкт-Петербурге // Ученые записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Вып. 8. Элиста, 1969. С. 215–218.

- 17 Патканов С.К. Сказания о поездках остяцких князей к русским царям // Патканов С.К. Сочинения. Т. 2. Тюмень, 1999. С. 119.
- 18 Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1. СПб., 1882. С. 240–242; кн. 2. СПб., 1882. С. 436–442.
- 19 Коваленский М.Н. Путешествие Екатерины II в Крым. М., 1916. С. 102. В голове православной немки явно смешались молебен-намаз и суфийский обряд сама (сема) – вращение дервишей с целью достижения духовного просветления.
- 20 Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Т. 1. С. 152.
- 21 Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. II. Амстердам, 2010. С. 982.
- 22 История Якутии в отчетах якутских губернаторов. Якутск, 2007. С. 80.
- 23 Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 3. СПб., 1821. С. 147.
- 24 Там же. С. 235.
- 25 Там же. Т. 4. СПб., 1822. С. 379.
- 26 Boulding K. The Image: Knowledge in Life and Society. Ann Arbor, 1956. P. 6–8.
- 27 Замятин Д.Н. Мета-география. Пространство образов и образы пространства. М., 2004. С. 139; Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX вв. М., 1998. С. 14.
- 28 Бенуа-Мешэн. Путешествие через Туркестан // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XVI. СПб., 1885. С. 197. Сарты – оседлые жители городов и селений Средней Азии.
- 29 Каппелер А. Россия и мусульмане Российской империи // Место России в Евразии. The Place of Russia in Eurasia. Budapest, 2001. С. 196, 197.
- 30 Цит. по: Ташкин С.Ф. Иногородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии. Казань, 1922. С. 39.
- 31 Бильбасов В.А. Походы Екатерины II по Волге и Дону // Бильбасов В.А. Исторические монографии. Т. 3. СПб., 1901. С. 243.
- 32 Флоровский А.В. Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг. Одесса, 1915. С. 140.
- 33 Каппелер А. Россия и мусульмане Российской империи. С. 197. Дискуссию о том, составляли ли сибирские «иногородцы» особое сословие в Российской империи, см.: Конов А.Ю. Предисловие // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века). Сборник правовых актов и документов. Тюмень, 1999. С. 15, 16.
- 34 Валиханов Ч. Избранные произведения. М., 1986. С. 321.
- 35 О доставлении к высочайшему двору киргизами Тургайской области кумыса и кургашек // Тургайские областные ведомости. 1891. 23 июня. С. 6, 7.
- 36 Фирсов Н.Н. Положение иногородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 77.
- 37 Там же. Т. 7. СПб., 1859. С. 233–248.
- 38 Цит. по: Торопицын И.В. Исламский фактор во внутренней и внешней политике России в первой половине XVIII века // Ислам на Юге России. Астрахань, 2007. С. 102.
- 39 Цит. по: Шовунов К.П. Калмыки в системе военной организации России XVIII века // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. Элиста, 1985. С. 41.
- 40 Воронцов А. Несколько слов по поводу верноподданнейших адресов от калмыков Астраханской губернии его величеству государю императору Александру Николаевичу // Астраханские епархиальные ведомости. 1877. № 43. С. 5.
- 41 Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем. Элиста, 2004. С. 123.
- 42 Цыремпилов Н.В. За святую дхарму и белого царя. Российская империя глазами бурятских буддистов XVIII – начала XX веков. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.torchinov.com>. Эта фраза приписана царю в биографии хамбо-ламы Даши-ДоржоИтигэлова.
- 43 Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. С. 978.

- 44 Тольц В. Российские востоковеды и общеевропейские тенденции в размышлениях об империях конца XIX – начала XX века // Imperiuminterparcs. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М., 2010. С. 277, 297.
- 45 Водворение русской власти в Средней Азии // Военный сборник. Т. 42. СПб., 1868. С. 245, 276; Маргенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880. С. 22.
- 46 Брикнер А.Г. История Екатерины II. Ч. 4. СПб., 1885. С. 586.
- 47 Вульпиус Р. Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII веке // Imperiuminterparcs. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М., 2010. С. 36.

Сведения об авторе: Трепавлов Вадим Винцерович, доктор исторических наук, Главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, e-mail: trepavlov@yandex.ru.

Аннотация: *Правительственные инстанции России XVII – начала XX в. желали иметь представление о расселении, численности, хозяйственном потенциале разноэтнических подданных. Причина такого интереса заключалась в фискальных, колонизационных и прочих экономических резонах. Для получения информации о народах в XVIII в. было организовано естественно-научное и этнографическое изучение окраин. В последние десятилетия XIX и в начале XX в. устраивались выставки разной тематики, на которых были представлены и народы России с их традиционным хозяйством, бытом, культурой. Постепенно впечатления о народах накапливались и оформлялись в негативные и позитивные стереотипы, положительные и отрицательные характеристики. Отношение к представителям того или иного этноса зависело от социального положения, масштаба эрудиции, эмоционального состояния, образованности и внутренней культуры оценивающего.*

Ключевые слова: *инородцы, этническая политика, элиты, представления, стереотипы, экзотика, выставки*

Abstract: *Russian governmental authorities of the 17th – early 20th cent. sought to have an idea of resettlement, population, economic potential of their multiethnic subjects. The reason for this interest lay in the fiscal, colonization and other economic reasons. For information about the peoples of the border regions in the XVIII century the natural scientific and ethnographic study of them was organized. In the last decades of the 19th and early 20th century they arranged exhibitions with different themes, which were presented with the peoples of Russia with their traditional economy, way of life and culture. Gradually experience about them accumulated and processed in negative and positive stereotypes, both positive and negative characteristics of entire peoples. The attitude to the representatives of various ethnic groups depended on the social status, erudition scale, emotional state, education and internal culture of the one who evaluated.*

Keywords: *foreigners, ethnic politics, views, elite, stereotypes, exoticism, exhibitions.*